N 24/664

№ 24
6.64

О СОСТОЯНІИ
МИССІОНЕРСКАГО ВОПРОСА
ВЪ ЗАБАЙКАЛЬѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1892

№ 24/664

О СОСТОЯНІИ МИССІОНЕРСКАГО ВОПРОСА ВЪ ЗАБАЙКАЛЬѢ

ф 32-5752

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СѴНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1892

2007056126

О состояніи миссіонерскаго вопроса въ Забайкальѣ, въ связи съ причинами, обусловливающими малоуспѣшность христіанской проповѣди среди бурятъ.

Наше правительство издавна заботилось о разумномъ и правильномъ насажденіи христіанства среди инородцевъ Восточной Сибири. Уже въ 1681 г. на соборѣ въ Москвѣ постановлено было: «въ дальніе грады на Лену, въ Даурію (такъ назывался край за Байкаломъ отъ тунгусскаго слова, означающаго «даль, отдаленная страна») послать священниковъ, «добрыхъ и учительныхъ», для просвѣщенія невѣрныхъ. Самъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ представилъ собору мнѣніе въ письменномъ свиткѣ касательно предположеній и дѣлъ, относящихся къ славѣ Божіей и расширенію святыя нашея православныя вѣры. Двѣнадцать московскихъ иноковъ отправилось съ этою цѣлью въ Забайкалье, по царскому повелѣнію и благословенію патріарха Іоакима. Тобольскій митрополитъ наставлялъ путниковъ *«приводить инородцевъ къ св. крещенію безъ тщеславія и гордости, безъ оскорбленія, съ опасеніемъ, какъ бы иными словами не отдалить строптивыхъ отъ вступленія въ лоно Церкви»*.

Теорія однако далеко не примѣнялась на дѣлѣ. Раньше чѣмъ сказать то немногое, что я вынесъ изъ собственныхъ случайныхъ и далеко не полныхъ наблюденій, я не могу не отмѣтить того, какъ отрицательно отзывался о нашей миссіонерской дѣятельности въ XVIII вѣкѣ одинъ изъ талантливѣйшихъ админи-

страторовъ екатерининскаго времени,—тѣмъ болѣе, что слова его и выводы наряженной по этому поводу коммиссіи принципіально вполнѣ подходятъ къ теперешнимъ ненормальнымъ порядкамъ.

Сибирскій губернаторъ Денисъ Чичеринъ доносилъ 1767 г., какъ производится обращеніе инородцевъ въ христіанство. «Проповѣдники отправляются сначала на коштѣ и подводахъ иновѣрцевъ. Къ живущимъ близъ города большими деревнями они не заѣзжаютъ и во всю бытность мою ни одинъ изъ этихъ жителей не окрещенъ, стараются они пробраться въ отдаленныя и дикія мѣста, гдѣ проповѣдуютъ на русскомъ языкѣ такимъ людямъ, которые не слыхивали, какъ по русски говорятъ, увѣщеваютъ къ крещенію всегда тѣхъ, у которыхъ больше пожитку видятъ. *Обольстя награжденіемъ, напоя пьяныхъ или напугавши, крестятъ.* Затѣмъ отъѣзжаютъ въ другія мѣста на лошадяхъ и на издержкахъ новокрещеннаго, оставивъ ему написанный на бумагѣ символъ вѣры, который этотъ христіанинъ безумно почитаетъ божествомъ, а что въ немъ написано, не знаетъ. Черезъ годъ и больше проповѣдникъ возвращается для свидѣтельства новыхъ христіанъ, и тутъ великія привязки дѣлаются. Въ посты привозятъ съ собою посуду, намазанную молокомъ или масломъ, лошадиныя кости, обвиняютъ въ отступничествѣ отъ вѣры христіанской, пугаютъ жестокими наказаніями и чрезъ то грабятъ безчеловѣчно; если же кто не даетъ, тѣхъ берутъ съ собою и на ихъ же подводахъ и коштѣ, забивши въ колодки, везутъ по другимъ жилищамъ. Кто побогаче, къ такимъ въ потаенныхъ мѣстахъ ставятъ болвановъ, а потомъ сами же и сыскиваютъ. Священники этихъ дѣлъ сами рѣшить не могутъ, отсылаютъ въ высшій судъ, гдѣ происходитъ долголѣтнее разбирательство. Другой способъ къ грабитель-

ству: придутъ къ новокрещенному и если узнаютъ, что былъ покойникъ и погребенъ безъ священника, или младенецъ не крещенъ, привязываются, зачѣмъ долго не крещенъ, зачѣмъ безъ священника погребенъ? тогда какъ священникъ, по отдаленности, только въ нѣсколько лѣтъ разъ можетъ пріѣхать; точно также и вѣнчаться въ церковь ѣздить не могутъ, вѣнчаются по домамъ, а это служитъ главнымъ источникомъ взяточничества, привязываются, кричатъ о поруганіи вѣры, и, если кто не откупится, долженъ ѣхать отъ 300 до 400 верстъ. Священникъ пріѣзжаетъ исповѣдывать: отецъ духовный по инородчески, сынъ духовный по русски ни слова не знаютъ; одна только пожива священникамъ. Этотъ *безпорядокъ можетъ быть пресѣченъ только опредѣленіемъ въ сибирскую митрополію человѣка, который бы могъ въ эти дѣла благоразумно вникать,* и хотя крещеніе инородцевъ должно продолжать, однако въ такихъ только мѣстахъ, гдѣ по близости церкви есть, и учредить школы для образованія священниковъ изъ инородцевъ, а *въ отдаленныхъ мѣстахъ проповѣдь и крещеніе до времени оставить»* *).

Вслѣдствіе этого донесенія составлена была коммиссія изъ новгородскаго митрополита Димитрія, псковскаго епископа Иннокентія и другихъ; они подали докладъ: смѣнить тобольскаго митрополита Павла какъ за нерадѣніе, такъ и по другимъ жалобамъ; избрать новаго лучшаго и дать ему отъ Синода инструкцію относительно проповѣди: 1) Слово Божіе

*) Совершенно такого же мнѣнія г. пріамурскій генералъ-губернаторъ, говоря, что умноженіе числа крещенныхъ инородцевъ должно производиться разумнымъ путемъ, а не кое-какъ,— идя впередъ радіусами отъ какого-нибудь твердо обоснованнаго религіознаго центра, а не случайно проникая въ глушь къ непонимающимъ даже русской рѣчи полудикарямъ.

должно быть проповѣдуемо, не отягощая разума обращенныхъ. 2) Три обязанности проповѣдника: учить, увѣщевать, напоминать; повелѣніе, угроза и строгое съ утѣсненіемъ взысканіе есть *насиліе совѣсти и злочестіе.* 3) Не должно давать воли проповѣдникамъ ѣздить, куда захотятъ. Архіерей выбираетъ проповѣдниковъ благонравныхъ, особенно некорыстолюбивыхъ, трезвыхъ, разумныхъ и кроткихъ, и распредѣляетъ время и мѣста, когда и куда имъ отправляться. *Начинать должно съ ближнихъ къ городу мѣстъ, дабы мало-по-малу вѣра расширялась.* Новообращенныхъ не принуждать къ такимъ преданіямъ церковнымъ, которыя могутъ быть неудобоносимы для непривычныхъ; проповѣдники должны отдавать отчетъ архіерею. 4) *Проповѣдникъ долженъ имѣть видъ человѣка не по указу присланнаго, но добровольно пришедшаго.* Проповѣдники не должны ничего брать, кромѣ пищи повсядневной, и за ту платить. 5) Если проповѣдникъ языка инородческаго не разумѣетъ, то долженъ употреблять толмача; а впредь принимать изъ обращенныхъ въ семинаріи съ тѣмъ, чтобы они никогда своего языка не забывали, или лучше—завести обученіе инородческимъ языкамъ.

Съ тѣхъ поръ прошло около столѣтія, но порядокъ вещей во многомъ еще напоминаетъ старину.

Состоявшійся въ 1885 г. иркутскій съѣздъ сибирскихъ архіереевъ, для выясненія духовныхъ нуждъ народонаселенія, подвинулъ впередъ мысль о необходимости реформы въ области религіознаго устройства ламаитовъ на окраинѣ. Присутствовавшіе на засѣданіяхъ означеннаго съѣзда мѣстные администраторы (всѣ, кромѣ двухъ новоприбывшихъ, графа Игнатьева и вице-губернатора Петрова) представляли возраженія главному начальнику миссіи среди бурятъ, высокопреосвященному Веніамину, и его викаріямъ,

лишь только заходила рѣчь о принудительномъ крещеніи, по примѣру временъ Владиміра Равноапостольнаго,—рядомъ съ этимъ указывалось на неудовлетворительный составъ миссіонеровъ, приводились осязательные факты неумѣстности и зловредности ихъ поведенія,—т. е., иначе сказать, всплывалъ на поверхность стародавній неоднократно затронутый вопросъ. Сравнительно недавно (еще въ 1865 г.), г. оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода частнымъ образомъ получилъ найденное мною въ синодальномъ архивѣ извѣстіе изъ Иркутска, что мѣстный архіепископъ преувеличиваетъ число обращаемыхъ, а миссіонеры грубы, пьяны, невѣжественны, жгутъ и оскорбляютъ предметы бурятскаго культа. Года четыре спустя Восточную Сибирь посѣтилъ Перфильевъ, и напечаталъ затѣмъ лѣтомъ 1871 г. свои, обличающія миссію, воспоминанія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Положимъ, изъ-за Байкала пришли тамъ же помѣщенныя опроверженія, положимъ, возбужденные разоблаченіями толки улеглись и заглохли; но тѣмъ не менѣе въ 1872 г. особенно радѣвшій объ интересахъ православія—гроза ламъ и бурятъ—генералъ-губернаторъ Синельниковъ въ письмѣ къ г. министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву сообщаетъ: «успѣху обращенія въ христіанство вредитъ недостатокъ въ способныхъ и соотвѣтствующихъ званію миссіонерахъ, чему даже были прямыя доказательства въ моемъ присутствіи, о чемъ я объяснялъ и мѣстному архіерею». Въ 1877 г., уступая просьбамъ начальника миссіи, иркутскія власти командировали въ Забайкалье тамошняго уроженца, столоначальника Главнаго Управленія Восточной Сибири Александра Гантимурова, для раскрытія ламскихъ беззаконій. Онъ ѣздилъ и дѣйствовалъ по собственноручно составленнымъ инструкціямъ преосвященнаго Мартиніана Селенгинскаго, представилъ рапортъ,

на который миссіонеры до сихъ поръ ссылаются, такъ какъ тамъ обнаружено въ общихъ чертахъ, въ чемъ именно ламы допускаютъ злоупотребленія, но въ концѣ своего отчета (отъ 30 Сентября 1877 г. за № 8) Гантимуровъ осудилъ самихъ проповѣдниковъ, ожесточающихъ противъ себя инородцевъ-язычниковъ.

«Христіанское Чтеніе» за 1884 г. приняло тщательно написанные очерки Сумарокова о сибирскомъ миссіонерствѣ, гдѣ въ № 9—10 онъ заключаетъ: «непригодность до сихъ поръ практикуемаго набора неподготовленныхъ миссіонеровъ становится очевидною, равно какъ столь же очевидною является и необходимость болѣе правильной подготовки миссіонеровъ къ ихъ великой и трудной дѣятельности».

Профессоръ Остроумовъ справедливо замѣчаетъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» (за 1886 г.): «мы твердо держимся убѣжденія, что незнакомые съ буддійскимъ ученіемъ не могутъ проповѣдывать ламаитамъ истины Христовой,—точно также какъ не можетъ неграмотный человѣкъ обучать другихъ грамотѣ». Идеалъ православнаго миссіонера—покойный митрополитъ Иннокентій—всюду, гдѣ только ему приходилось проявлять свое животворное воздѣйствіе на сердца язычниковъ, прежде всего вникалъ въ условія инородческаго быта, учился говорить по туземному, старался понять, что составляетъ основу чуждаго намъ міровоззрѣнія. Лишь тогда святитель считалъ своевременнымъ осторожно обращаться съ проповѣдью къ невѣрующимъ.

Въ письмѣ своемъ г. оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода отъ 9 Декабря 1885 г. за № 3903, г. пріамурскій генералъ-губернаторъ сообщалъ, что миссіонерское дѣло въ Забайкальѣ поставлено плохо, составъ проповѣдующихъ крайне неудовлетворителенъ, и нѣкоторыхъ *(какъ ему лично извѣстно изъ произво-*

димыхъ слѣдствій) только священническій санъ спасаетъ отъ уголовнаго наказанія.

Принимая откочевавшіе изъ Монголіи роды, окольничій Головинъ въ 1689 г. ручался имъ, что принудительнаго крещенія не будетъ—этимъ непремѣннымъ условіемъ дорожили новоприбывавшіе, потому что въ числѣ ихъ уже были *ширетуи* (начальствующіе старшіе ламы), тогда какъ мѣстные инородцы еще шаманствовали и потому не возбуждали вопроса о сохраненіи вѣры. Но буддизмъ сразу потребовалъ неприкосновенности и, получивъ свободу дѣйствовать, началъ успѣшную проповѣдь, значеніе которой слишкомъ поздно уяснилось высшему правительству. Вначалѣ еще можно было соперничать въ этомъ отношеніи съ ламами, которые далеко не сразу подчинили себѣ нравственно двѣсти тысячъ инородцевъ, но въ данную минуту споръ возникаетъ между двумя широко раскинувшимися мірами—міромъ новозавѣтнымъ, пока еще поддерживаемымъ исключительно дѣйствіями Благодати Господней, и міромъ демоническимъ, призрачнымъ, но черпающимъ силы для борьбы изъ нашего же собственнаго нечестія и неустроенія.

Первые ревнители буддизма за Байкаломъ явились среди инородцевъ въ качествѣ болѣе или менѣе искусныхъ врачей. Слава эта издавна присуща была ламству. Оно безвозмездно стало лѣчить немущихъ, помогать народу изъ своихъ передвижныхъ аптекъ, учить желающихъ собиранію полезныхъ травъ. Тутъ не мѣсто высказывать доводы за буддійскую медицину. Достаточно замѣтить, что оріенталисты довольно благосклонно смотрятъ на ея практическіе результаты, а за помощью къ ней обращаются какъ язычники, такъ и православные. Восточно-сибирская миссія неоднократно просила возбранить ламамъ лѣ-

ченіе, основанное будто бы исключительно на ворожбѣ и шарлатанствѣ, развивающее суевѣрные предразсудки инородцевъ и въ концѣ концевъ стремящееся разорить народъ. Между тѣмъ, сами преосвященные не разъ пользовались бурятскими снадобьями, миссіонеры сами мнѣ говорили, что и себя и семьи свои поддерживаютъ при болѣзни, благодаря полезнымъ указаніямъ буддійскихъ врачей, а—что еще страннѣе всего—на страницахъ печатныхъ «Трудовъ миссіи» легко найти слѣдующія выраженія: «среди крестившихся въ нынѣшнемъ году находились ламы, которые отлично знали тибетскую медицину и потому могли намъ оказать важную помощь своими свѣдѣніями при воздѣйствіи на язычниковъ». Если уже ученость плохихъ заштатныхъ духовныхъ (изъ другихъ никто не крестится) кажется миссіи весьма цѣнною, то обвиненіе во вредѣ, направленное противъ дацанскихъ аптекъ и лучшихъ цѣлителей, перестаетъ быть вѣскимъ и свидѣтельствуетъ лишь объ уклоненіи писавшихъ отъ правды.

Кромѣ искусства врачеванія, очевидно, и другія причины вліяли на обращеніе инородцевъ къ буддизму, ученіе котораго въ высшей степени гармонировало съ настроеніемъ кочевниковъ, среди безмолвныхъ и угрюмыхъ степей. Знойно южный колоритъ индійскихъ, пересаженныхъ на новую почву сказаній, недосягаемая высь догматической премудрости язычества, оставляющей многое скрытымъ отъ толпы, ключъ отъ сокровеннѣйшаго во вселенной, будто бы хранящійся жрецами, однозвучность и скорбность повседневнаго быта,—все словно сговорилось опутать бурятъ сѣтями ламаизма, преграждая пока успѣхи христіанской проповѣди.

Въ царствованіе Екатерины II обучавшійся въ Тибетѣ бурятскій хамба Цзаягійнъ вызванъ былъ въ

столицу и обласканъ Монархиней. Когда онъ вернулся, преисполненный горделивой радости, инородческое Забайкалье думало, будто Ея Величество велѣла главному ламѣ распространять тамъ буддійскую вѣру. Это служило смертнымъ приговоромъ для упорнаго еще тогда шаманства,—тѣмъ болѣе, что, *по странному совпадению* обстоятельствъ, какъ разъ единовременно (въ 1764 г.) Высочайшій указъ лишилъ православные монастыри земель, угодій и вотчинъ, а наступившее затѣмъ обѣднѣніе христіанскихъ проповѣдниковъ ослабило ихъ связь съ тяготѣющими къ благотворителямъ инородцами. Постепенно и составъ миссіонеровъ ухудшился, и они стали малочисленнѣе. Бороться и побѣждать въ дѣлахъ вѣры роковымъ образомъ призвано было стойкое и разнороднымъ оружіемъ пользовавшееся ламство. Какъ быстро оно умѣло обращать туземцевъ, когда дѣятельно бралось за это, доказывается многочисленными примѣрами. Изъ нихъ я сошлюсь на два наиболѣе замѣчательныхъ. Инородцы баргузинскаго вѣдомства, лишь въ 1829 г. построившіе себѣ дацанъ и до того почти незнакомые съ буддизмомъ, въ исходѣ 30-хъ годовъ насчитывали уже по 1 ламѣ на 14 мужчинъ. Въ короткій промежутокъ времени индійско-тибетская религія радикально пересоздала тысячи шаманствующихъ,— и это именно тогда, когда въ Забайкальѣ усердно трудились богатые знаніемъ и матеріальными средствами энергичные англійскіе миссіонеры, когда Сперанскій, ревизуя Восточную Сибирь, проектировалъ способы обращенія язычниковъ. Стоитъ взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, насколько баргузинское вѣдомство лежитъ въ глуши, насколько оно отчуждено отъ прочихъ инородцевъ дебрями и горами, насколько, наконецъ, оно отдалено отъ Монголіи. На одномъ уже этомъ примѣрѣ убѣждаешься въ громадной силѣ ламской пропаганды.

Полвѣка тому назадъ въ агинскомъ вѣдомствѣ (за Читой) на 65 бурятъ приходилось всего по ламѣ,— нынѣ же оно важнѣйшій очагъ ламаизма. Множество буддійскихъ духовныхъ успѣшно ходитъ съ проповѣдью по иркутской губерніи и по всему Забайкалью. По словамъ миссіонеровъ, крещеные инородцы нерѣдко поддаются соблазну отпадать отъ православія и воспитывать потомство свое совершенно внѣ христіанства. У младенцевъ ихъ на люлькахъ часто висятъ ламайскіе талисманы, въ жилищахъ хранятся ламайскіе идолы, и т. д. Шаманствующіе буряты оттого еще склонны симпатизировать буддизму, что онъ позволяетъ имъ оставаться бурятами, и не обусловливаетъ,— какъ православіе,—сліянія и отождествленія съ русскою народностью. Хотя миссія иногда и упрекаетъ ламаитовъ въ присущемъ будто бы имъ фанатизмѣ, но, сколько мнѣ лично извѣстно и какъ наглядно видно по нѣкоторымъ даннымъ этнографическиисторическаго характера, у буддистовъ рѣже, чѣмъ у кого-либо иного, можно подмѣтить именно эту черту.

Когда въ Пекинъ ходили караванами православныя миссіи, буряты (и въ томъ числѣ ламы) снаряжали ихъ у Кяхты, жертвуя верблюдовъ, лошадей и скотъ. По тому, какъ ламаиты отнеслись къ переводу евангелія на монгольскій языкъ при генералъ-губернаторѣ Сперанскомъ, всего лучше видно ничуть не фанатичное настроеніе инородцевъ. Въ первые годы своего существованія, русское библейское общество, пользуясь особеннымъ расположеніемъ Императора Александра I и находясь подъ непосредственнымъ руководствомъ и покровительствомъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голицына, стремилось распространить свою дѣятельность на отдаленнѣйшія части Имперіи.

Въ 1815 г., листъ евангелія отъ Матѳея, переведенный на калмыцкій языкъ, былъ посланъ къ хоринскому тайшѣ Голсонову. Онъ отвѣчалъ, что монгольскій и калмыцкій языки различны, и потому нельзя «исправно» читать этотъ листъ; но если его перевести на монгольскій языкъ, то буряты могли бы читать «*съ величайшимъ удовольствіемъ*». Князь Голицынъ обратился къ Голсонову съ вопросомъ, не возмется ли кто-нибудь перевести, если не весь Новый Завѣтъ, то по крайней мѣрѣ которое-нибудь евангеліе, чтобы переводъ этотъ можно было напечатать. Для предполагаемой работы избраны были зайсаны Нолто Унагаевъ и Бадма Маршунаевъ. Они не знали русскаго языка, и потому для словеснаго перевода данъ имъ толмачъ Василій Татауровъ. Эти три лица отправились въ Петербургъ въ Декабрѣ 1817 г. На переводъ евангелія на бурятскій языкъ и изданіе этого перевода хоринцы добровольно пожертвовали *11.480 руб.* Унагаевъ вскорѣ возвратился на родину. Для перевода Новаго Завѣта остался въ Петербургѣ только Маршунаевъ, или, какъ его запросто называли даже въ оффиціальныхъ бумагахъ, Бадма. Это былъ молодой еще инородецъ, отлично знавшій и монгольскую и тибетскую литературу, такъ что помощь его весьма полезна оказалась оріенталисту Шмидту.

Въ концѣ Сентября 1820 г., Сперанскій получилъ Шмидтовъ переводъ евангелія на монголо-бурятскій языкъ и разослалъ его къ англійскимъ миссіонерамъ, тайшамъ и бандидо-ламѣ. «Надѣюсь, писалъ онъ Голицыну, что онъ и самъ будетъ читать, и другимъ сообщитъ. *Люди сіи, вообще говоря, не имѣютъ ни фанатизма, ни упрямства въ своихъ мнѣніяхъ*, и, кажется, скорѣе другихъ могутъ придти къ истинѣ».

Бадмѣ не удалось принять участіе въ обращеніи бурятъ въ христіанство. Въ 1822 г. онъ умеръ въ Петербур-

гѣ, предварительно крестившись. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы посвятившіе себя великой миссіонерской задачѣ постепенно привлекали на свою сторону людей, вродѣ Маршунаева, православіе имѣло бы теперь гораздо болѣе творческой силы и нравственнаго значенія.

«Труды православныхъ миссій Восточной Сибири» за послѣднія 25 лѣтъ вмѣщаютъ не мало цѣнныхъ данныхъ о томъ, съ какими искренними религіозными чувствами буряты-язычники относятся къ христіанскимъ святынямъ. Наряду съ поражающимъ индифферентизмомъ большинства сибиряковъ-русскихъ (на что съ горечью указываютъ сами пресвященные), усердіе и благоговѣйное настроеніе смежныхъ съ ними инородцевъ восхваляется нашими же духовными. И шаманствующіе, и ламаиты не прочь ходить въ церкви, ставить свѣчи, поклоняться иконамъ, заказывать для нихъ оклады, носить при крестныхъ ходахъ хоругви,— но перемѣнить вѣры они не хотятъ, потому что и старая имъ нравится. Тутъ происходитъ психологически весьма любопытное смѣшеніе понятій. Миссіонерскія церкви отчасти построены на средства окружающихъ язычниковъ. Одинъ иркутскій некрещеный тайша Матхановъ въ 70-хъ годахъ сдѣлался членомъ учрежденнаго въ Восточной Сибири отдѣленія миссіонерскаго общества и собралъ много денегъ на содержаніе проповѣдниковъ съ подвѣдомственныхъ ему инородцевъ. Родной братъ теперешняго хамбы Гомбоевъ, будучи ламаитомъ (впослѣдствіи онъ окрестился), на свой счетъ соорудилъ храмъ при селенгинской степной думѣ и долгое время поддерживалъ его, —что нисколько не повредило хорошимъ отношеніямъ между братьями. У здѣшняго доктора Бадмаева вся родня на родинѣ состоитъ изъ буддистовъ, вполнѣ къ нему расположенныхъ. Когда только-что названная церковь при думѣ недавно обветшала, миссіонеръ—отецъ Павелъ Казанцевъ

въ 1886 г. отправился за сто слишкомъ верстъ на дачи кяхтинскихъ богатыхъ купцевъ,—но они почти ничего не пожертвовали. Тогда онъ поѣхалъ по жилищамъ ламъ и простыхъ бурятъ. Приношенія быстро образовали значительную сумму. Простой зажиточный казакъ съ р. Удунги (въ селенгинскомъ вѣдомствѣ) Лумбуновъ далъ 150 руб. на покупку креста и евангелія, кромѣ того обязался даромъ доставить часть лѣснаго матеріала и выкрасить новый храмъ. Свѣдѣнія эти мнѣ, во-первыхъ, тогда же были сообщены самимъ отцемъ Казанцевымъ, а, во-вторыхъ, они находятся въ недавно напечатанномъ отчетѣ Забайкальской миссіи за 1886 г. Пока я былъ на Гусиномъ озерѣ, къ бандида-хамбѣ явился священникъ изъ г. Селенгинска, и глава буддійскихъ духовныхъ вручилъ ему деньги на ремонтъ тамошней церкви.

По мнѣнію преосвященныхъ, ламаиты такъ поступаютъ изъ хитрости. Но чѣмъ же объяснить, что въ кяхтинскій соборъ наѣзжаютъ *иностранные ламы* (даже окруженные обаяніемъ святости) и набожно молятся, перебирая свои четки? Въ Ургѣ къ нашему генеральному консулу Шишмареву постоянно обращаются буддисты съ просьбою показать имъ домашнюю церковь и, будучи допущены туда, съ благоговѣніемъ обо всемъ распрашиваютъ. Въ Пекинѣ я былъ у одного изъ важнѣйшихъ святыхъ (Галдашъ хутухты), и онъ выражалъ свое горячее желаніе посмотрѣть храмъ нашего посольства.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (за 1883 г.) есть статья Юзефовича «Христіанство, магометанство и язычество въ восточныхъ губерніяхъ Россіи», гдѣ приводятся поразительные факты: «причина непопулярности нынѣшняго православнаго духовенства среди инородцевъ кроется въ слишкомъ хорошо извѣстныхъ недостаткахъ, чтобы о нихъ нужно было распространяться. Не вда-

ваясь въ изслѣдованіе этого общаго недуга, надо однако замѣтить, что на востокѣ, между племенами, чуждыми православію, необходимо имѣть священнослужителей безкорыстныхъ, усердныхъ и преданныхъ дѣлу. У кореннаго русскаго населенія тамъ невѣжество въ области вѣры выходитъ изъ всякихъ предѣловъ вѣроятности. А между тѣмъ въ черемисской некрещеной деревнѣ, въ *языческой* школѣ, съ учителемъ *язычникомъ* (питомцемъ Уфимской языческой школы), въ углу икона съ горящей лампадою, на стѣнахъ картины изъ священной исторіи и въ дополненіе ко всему стройный хоръ мальчиковъ, поющихъ *Достойно, Отче нашъ, Царю Небесный,* и знающихъ Законъ Божій лучше русскихъ мѣстныхъ дѣтей». Совершенно аналогичныя явленія наблюдались въ бурятскихъ первоначальныхъ училищахъ, пока миссія не нашла нужнымъ упразднить такой обычай, какъ не подобающій некрещеннымъ.

Обучавшіеся въ читинскомъ пансіонѣ, при Забайкальскомъ губернаторѣ Дитмарѣ, молодые ламаиты, по отзыву его, ревностно знакомились съ христіанскими истинами, пѣли въ церкви по праздникамъ. Отъ 17 Ноября 1882 г. за № 1344, Восточно-Сибирскій генералъ-губернаторъ сообщалъ о томъ же г. министру внутреннихъ дѣлъ. Некрещенные ученики часто читаютъ православныя молитвы, знаютъ символъ вѣры, заповѣди и краткій катехизисъ. Между Читой и Верхнеудинскомъ укырскій миссіонеръ, отецъ Донской, указывалъ мнѣ на присутствіе подобнаго маленькаго бурята въ его школѣ.

Апостолъ Сибири—митрополитъ Иннокентій, подмѣчая религіозное настроеніе инородцевъ, сердцемъ близкихъ къ православію, но тѣмъ не менѣе коснѣющихъ въ язычествѣ, высказывалъ глубокую мысль: *«не они въ томъ виновны, а мы сами»*.

Забайкальскіе ламаиты безусловно жаждутъ разностороняго знанія. Это видно и по вышедшимъ изъ ихъ среды людямъ съ высшимъ образованіемъ (по оріенталисту Банзарову, по доктору Бадмаеву), и по весьма щедрымъ пожертвованіямъ, сдѣланнымъ инородческими вѣдомствами на устройство гимназіи въ Читѣ, и вообще по любознательности бурятъ, любви къ чтенію. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ два ламаита, по собственному желанію, ѣздили смотрѣть вѣнскую всемірную выставку, взявши съ собой переводчика—поляка изъ Варшавы.

Недавно забайкальскіе инородцы стали вносить деньги на иркутскую учительскую семинарію и при этомъ просили дозволить имъ *на свой счетъ* воспитывать тамъ постоянно по нѣскольку мальчиковъ, которые бы могли, выростая въ русской средѣ, исподоволь сродняться съ нашимъ языкомъ и бытомъ, вернувшись къ единоплеменникамъ, обучать ихъ тому, что въ высшей степени полезно знать всѣмъ бурятамъ. Только такимъ образомъ», поясняютъ тайши, «есть возможность пріохотить полудикихъ кочевниковъ къ изученію чужой грамоты—иначе они станутъ, робѣя, избѣгать навязываемаго имъ извнѣ преподаванія».

Въ Иркутскѣ, по настоянію начальника миссіи, отвергли предложеніе ламаитовъ, требуя, чтобы тѣ, кого желаютъ опредѣлить въ учительскую семинарію, предварительно окрестились. «Но тогда имъ непзмѣримо труднѣе и вообще едва-ли мыслимо съ успѣхомъ трудиться на пользу обрусѣнія своихъ единоплеменниковъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ цивилизаціи»,—вотъ отвѣтъ самыхъ развитыхъ инородцевъ: «если дѣти сдѣлаются христіанами, этого обращенія нельзя считать сознательно-добровольнымъ. они окажутся отрѣзанными отъ косной еще родной среды и почти навѣрно не съумѣютъ потомъ заслужить ея симпатіи

и довѣріе». Тутъ—заколдованный кругъ, изъ котораго пока не предвидится исхода. Высокопреосвященный Веніаминъ Иркутскій противится пріему своекоштныхъ некрещенныхъ воспитанниковъ въ учительскую семинарію. Если же ихъ не принимать и лишать бурятъ вполнѣ естественной и во всѣхъ отношеніяхъ желательной готовности *самостоятельно осуществлять правительственныя цѣли, ведущія къ постепенному, безболѣзненному обрусѣнію,*—то послѣднее, конечно, не скоро наступитъ, и одинаково далекъ знаменательный день, когда восточно-сибирскіе ламаиты, по убѣжденію, перейдутъ наконецъ въ лоно Церкви. Переписка, возникшая по поводу иркутской семинаріи, приложена мною къ отчету, за № 52, и состоитъ изъ семи листовъ.

Одно изъ важнѣйшихъ обвиненій, взводимыхъ миссіею на бурятъ и долженствующихъ уяснить, почему христіанской проповѣди пока необыкновенно трудно осиливать языческій строй убѣжденій, состоитъ въ томъ, будто вездѣ существуетъ гоненіе на новокрещенныхъ, инородческое же начальство состоитъ исключительно изъ фанатиковъ.

Когда я получилъ командировку въ Сибирь, въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій пришло секретное письмо г. управляющаго земскимъ отдѣломъ отъ 18 Іюля, за № 38, гдѣ было сказано: «представляется положительно необходимымъ воспользоваться командировкою князя Ухтомскаго, съ цѣлью прежде всего установить фактическую сторону вопроса о преслѣдованіи новокрещенныхъ, для чего потребовалось бы собрать на мѣстѣ *точныя свѣдѣнія о всѣхъ случаяхъ дѣйствительнаго стѣсненія крещенныхъ инородцевъ* ихъ языческими начальниками и

затѣмъ, въ каждомъ случаѣ, уяснить побужденія, вызывающія это стѣсненіе, т. е. заключаются ли они исключительно въ религіозномъ антагонизмѣ, или же объясняются лишь личными неудовольствіями».

Исполнить въ точности это чрезвычайно затруднительное и сложное порученіе мнѣ было не подъ силу. И безъ того работы набиралось очень много, а разбрасываться, изучая мелочи, не представлялось никакой возможности. Единственное, что я дѣлалъ, это—слѣдующее. Пріѣзжая въ миссіонерскіе станы, я спрашивалъ у священниковъ, кто и гдѣ обиженные за принятіе Православія, и получалъ въ отвѣтъ: «нѣтъ теперь такихъ,—прежде, говорятъ, случалось». Въ виду заявляемыхъ въ печати жалобъ восточно-сибирской миссіи на преслѣдованіе крещенныхъ ламаитами, Забайкальскій военный губернаторъ генералъ-маіоръ Барабашъ въ 1886 г. въ особомъ циркулярѣ категорически заявилъ, что не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о стѣсненіи христіанъ язычниками (опредѣленныхъ указаній на это имъ ни разу не получено, толки о гоненіи голословны) и грозитъ карою за преступленія противъ господствующей Церкви. Въ оффиціальной запискѣ преосвященнаго Веніамина (въ бытность его епископомъ Селенгинскимъ)—«о ламскомъ идолопоклонническомъ суевѣріи» названы, правда, иные потерпѣвшіе, будто бы за Православіе, но написана она въ 1863 г., напечатана только черезъ двадцать лѣтъ и за все это время матеріалъ не переработанъ, буквально остался тотъ же и потому въ данную минуту *лишенъ всякаго значенія.* Я лично думаю, что любитъ своихъ единоплеменниковъ, отрекающихся отъ язычества, буряты, конечно, не имѣютъ ни малѣйшаго повода и желанія; но приписывать имъ ненависть къ христіанамъ, значитъ, впадать въ крайность. Во-первыхъ, если немногіе лучшіе и достойнѣйшіе люди,

искренно увѣровавъ, мѣняютъ религію, инородцы, уважавшіе ихъ раньше, хотя бы и съ сожалѣніемъ (въ виду отступничества), но всетаки по старому должны относиться къ новообращеннымъ. Къ несчастью, такіе случаи рѣдки.

Во-вторыхъ, почти повсюду на востокѣ часто къ крещенію прибѣгаютъ наиболѣе порочные и преступные элементы страны. У насъ (нельзя утаить правды) происходитъ аналогичное явленіе. Православіе принимаютъ такіе инородцы, которымъ ничего не стоитъ окреститься по нѣскольку разъ въ различныхъ станахъ изъ-за денежной награды или подарковъ *) и по необходимости, для спасенія отъ угрожающихъ за проступки наказаній. При этомъ возникаетъ вопросъ, нѣтъ ли недоразумѣнія, когда рѣчь идетъ о преслѣдованіи новообращенныхъ бурятъ. Вѣдь надо строго различать, за что именно единоплеменники противъ нихъ *озлоблены:* сама по себѣ перемѣна вѣры тутъ положительно не при чемъ, непріязнь основана только на безсиліи покарать по заслугамъ провинившихся (воровъ, конокрадовъ), ибо крещеніе, такъ сказать, смываетъ съ нихъ отвѣтственность, а въ виду этихъ условій, *слово «новокрещенный»*, несомнѣнно, *легко становится синонимомъ вреднаго и ненаказуемаго члена общества.* Взрывы негодованія противъ подобныхъ лицъ, а по временамъ и самовольная расправа съ ними (теперь буряты до того оробѣли, что, пожалуй, на таковую и не способны) отнюдь не могутъ

---

*) Наивность иныхъ такихъ обращающихся поистинѣ изумительна! Напримѣръ, инородецъ приходитъ къ миссіонеру и говоритъ, что желаетъ стать христіаниномъ. Когда же у него на шеѣ открываютъ крестъ и заявляютъ о невозможности повторять обрядъ,— дикарь чистосердечно недоумѣваетъ: «такъ чтожъ такое? я въ другомъ мѣстѣ крестился, а здѣсь я еще не крестился».

считаться проявленіемъ вражды къ христіанству, а доказываютъ лишь *ненормальность и несовершенство условій, въ которыя поставлено святое дѣло евангельской проповѣди.* Дѣятельность людей, по неблаговиднымъ побужденіямъ переходящихъ въ Православіе и затѣмъ продолжающихъ свой прежній образъ жизни, не можетъ не ронять нашей святыни въ глазахъ инородцевъ. Вотъ едва-ли не главная причина, почему они сердцемъ довольно близки къ воспріятію истины, но фактами отрицательнаго свойства всячески отъ нея отстраняются. Недавнее прошлое свидѣтельствуетъ о справедливости того, что я беру на себя смѣлость высказать. При генералъ-губернаторѣ Сперанскомъ, далеко не безукоризненный по поведенію хоринскій тайша Галсоновъ, видя, какъ безкорыстно и твердо смотрятъ на вещи высшія мѣстныя власти, сталъ поговаривать о своемъ влеченіи къ христіанству, но начальникъ края въ письмѣ о немъ въ столицу прямо заявлялъ, насколько искреннее настроеніе бурятскаго вождя должно быть далеко отъ сознательнаго тяготѣнія къ Православію. Преемникъ его Дымшиловъ дѣйствовалъ аналогично. Желая загладить совершенные имъ проступки, онъ поѣхалъ въ Петербургъ и удостоился чести стать крестникомъ Государя Императора (въ 1842 г.). Это не помѣшало тайшѣ черезъ шесть лѣтъ поджечь свою хоринскую думу, для похищенія оттуда 12000 руб. Помогали ему въ злодѣяніи крещенные инородцы. Виновныхъ судили, уличили и сослали въ каторжныя работы. Сравнительно очень недавно въ селенгинскомъ вѣдомствѣ прославился беззаконіями назначенный, по желанію миссіи, крещенный тайша Минѣевъ. Конечно, такіе начальники инородцамъ страшнѣе и противнѣе своихъ вполнѣ родныхъ по духу, которые,—если и тѣснятъ,—то не въ качествѣ ренегатовъ.

Для характеристики менѣе важныхъ обращающихся, я записывалъ со словъ русскаго туземнаго населенія нѣкоторые факты, подтверждающіе вышесказанное.

Вотъ коротенькій списокъ именъ (за полнотою его я не гнался), по которому видно, что, если инородческое общество и намѣрено иногда преслѣдовать новокрещенныхъ, то вовсе не за переходъ въ Православіе, а въ виду совершенныхъ ими проступковъ:

1) Шобхоноповъ (бодонгутскаго рода), совершавшій кражи по р. Чисанѣ (между чисановскимъ и ходонскимъ дацанами) и подвергнутый суду засѣдателемъ Дубининымъ.

2) Зориктуевъ (галзотскаго рода), похитившій 10 головъ рогатаго скота въ урочищѣ Анѣ (близъ дацана того же названія) у инородца Балдана (дабы спастись отъ наказанія, онъ обратился и принялъ имя Степана Гантимурова).

3) Бадмацыренъ Дашіевъ (батанайскаго рода), замѣченный и уличенный въ неоднократномъ воровствѣ.

4) Селенгинецъ (хатагинова рода) Дондукъ Шагдуровъ, обокравшій хоринскую бурятку Зангя Гунгуеву (въ улусѣ Кичингѣ, у ходонскаго дацана); освободившись, благодаря крещенію, изъ-подъ ареста и приявши имя Михаила Карнакова, онъ сталъ разъѣзжать кругомъ, творя всякія беззаконія.

5) Цыренъ Цыбиковъ, обокравшій (со взломомъ амбара) 16 Марта 1878 г. проживающаго по р. Чисанѣ Барму Сылхенова, и теперь свободный отъ наказанія подъ именемъ Василія Мошанова.

Окрещены миссіонеромъ отцемъ Симеономъ Стуковымъ при хоринской степной думѣ, и дѣла о нихъ оставлены безъ послѣдствій.

6) Бадма Зодбоевъ (кубдутскаго рода), проживающій въ мѣстности Салхитуѣ, около почтовой станціи Грядской (на читинско-верхнеудинскомъ трактѣ), явно и безнаказанно укралъ въ 1880 г. коня у одного еврея на Поперечинской станціи.

7) Дамдинъ Жаповъ (галзотскаго рода), уличенный во многихъ кражахъ, въ Январѣ 1886 г. окрестившись, поступилъ въ услуженіе къ отцу Стукову,—но вскорѣ обокралъ и его, за что наказанъ засѣдателемъ Гуляевымъ 30-ю ударами розогъ и затѣмъ отданъ подъ надзоръ родоваго управленія, которое однако не смѣетъ препятствовать его преступной дѣятельности.

Окрещены миссіонеромъ о. Симеономъ Стуковымъ при хоринской степной думѣ, и дѣла о нихъ оставлены безъ послѣдствій.

У меня въ бумагахъ есть *еще 14 фактовъ* и именъ, но я ихъ не выписываю, чтобы перечень не казался слишкомъ длиннымъ. По всѣмъ вѣдомствамъ такіе случаи постоянно повторяются. Иногда попытки окрестить дурно кончаются. Напримѣръ, лѣтъ десять тому назадъ Полту Носотуевъ (зунъ-кубдутскаго рода) совершилъ кражу въ Эгитуевскомъ урочищѣ (у дацана того же названія) и попалъ подъ арестъ. Стуковъ пришелъ къ нему, силой отрѣзалъ ему косу и сказалъ, что завтра его будутъ крестить. На утро инородца нашли удавившимся, о чемъ при хоринской думѣ составленъ актъ.

По мнѣнію высокопреосвященнаго иркутскаго малоуспѣшность миссіонерской дѣятельности въ сильнѣйшей мѣрѣ обусловливается отсутствіемъ крещеныхъ инородцевъ во главѣ туземныхъ обществъ,—и потому духовныя власти неоднократно настаивали,

чтобы всюду бурятское начальство избиралось изъ числа отрекшихся отъ язычества. Этимъ пріемомъ онѣ надѣялись окончательно поколебать его. Но подобная надежда едва-ли основательна. Существуютъ вѣдомства, гдѣ и тайши, и родоначальники — изъ христіанъ, но и тамъ не все обстоитъ благополучно. Укажу для примѣра на кударинское за Байкаломъ. Проповѣдь слова Божія обратила большинство инородцевъ, шаманствующимъ приходилось плохо,—и вотъ, вдругъ теперь громче, чѣмъ когда-либо, раздаются жалобы преосвященныхъ на упадокъ вѣры въ этой мѣстности, на вторженіе селенгинскихъ ламъ, на совращеніе ими крестившихся. На люлькахъ у дѣтей висятъ буддійскіе талисманы. По юртамъ и избамъ хранятся буддійскіе боги. Буряты здѣсь,—хотя и отличные по языку отъ забайкальскихъ сосѣдей и болѣе сродные сѣвернымъ иркутскимъ инородцамъ,—начинаютъ чувствовать сильное вліяніе организованнаго тибетскаго жречества. Если поискать въ недалекомъ прошломъ, какая можетъ быть осязательная причина превратности миссіонерскихъ успѣховъ, на факты легко указать. Привожу одно прошеніе, особенно ярко характеризующее недовольство и раздраженіе кударинскихъ бурятъ.

«Его Превосходительству
Господину Военному Губернатору
Забайкальской области и Кавалеру
Вѣдомства Кударинской Степной
Думы довѣренныхъ инородцевъ Ертагай Адунова и Сотни Муроева

Прошеніе.

Довѣрители наши, инородцы всѣхъ родовъ вѣдомства Кударинской Степной Думы, вообще терпятъ *самыя бѣдственныя стѣсненія,* отъ коихъ мало-по-ма-

лу приходятъ и въ самое разореніе, съ тѣхъ поръ, когда вступилъ въ должность главнаго тайши незаконно порожденный изъ русскихъ Яковъ Березовскій и въ засѣдатели братъ его Варсонофій и другіе члены изъ новокрещенныхъ инородцевъ, которые, при непосредственномъ дѣйствіи миссіонеровъ, *много заставляютъ креститься и въ случаѣ несогласія всячески издѣваются—рѣжутъ косы и т. п., чѣмъ приводятъ народъ нашъ въ большое безпокойствіе.* Крестятъ же они еще и такъ, что изловятъ бурята и, напоивши до безпамятства виномъ, крестятъ, и тотъ, проспавшись, совершенно забываетъ, что крещенъ. Между тѣмъ окрестившимся даютъ такую противозаконную свободу, что, если сей послѣдній у кого изъ насъ заимообразно что взялъ, или насильно захватилъ, или же укралъ, возврату нѣтъ и нѣтъ съ виновнаго никакого взысканія. Всѣхъ насъ гонятъ отъ церкви на дальнее разстояніе и на мѣста самыя неудобныя. Однимъ словомъ, доводятъ насъ до крайней степени разоренія.

Если кто изъ насъ пожелаетъ принять крещеніе, то онъ можетъ и по своему желанію, и никто тому не препятствуетъ.

Будучи уполномочены отъ своихъ единоплеменниковъ довѣренностію, мы, повергая оную на благоусмотрѣніе особы Вашего Превосходительства, пріемлемъ смѣлость покорнѣйше просить удостовѣриться въ справедливости сей жалобы чрезъ особаго чиновника и, судя по важности обидъ, оказать милостивое покровительство. Въ особенности дозволить намъ пользоваться свободою по религіи.

Мы бы счастливы были, если Ваше Превосходительство, независимо отъ прочихъ служебныхъ обязанностей, Монархомъ на Васъ возложенныхъ, при проѣздѣ разслѣдовали бы лично. Мая 2 дня 1866 г.»

Пересылая это прошеніе генералъ-губернатору Корсакову, забайкальскій *военный губернаторъ* Дитмаръ въ письмѣ отъ 18 Мая 1866 г. за № 1830, *на основаніи своихъ свѣдѣній, подтвердилъ* высказанное инородцами и назначилъ для слѣдствія войсковаго старшину Буковскаго. Генералъ-губернаторъ въ секретной бумагѣ ему 27 Мая, за № 313, пріостановилъ дознаніе, находя его неудобнымъ, генералу же Дитмару мотивировалъ это 30 Мая, за № 316, тѣмъ, что по существу жалобы нельзя поручать разсмотрѣніе ея католику. 30 Мая, за № 314, тщательное и безпристрастное отношеніе къ дѣлу довѣрено было исправляющему должность селенгинскаго исправника Чайковскому. Послѣдній отъ 9 Октября, за № 89, донесъ, что просьба и выводъ инородцевъ справедливы, ознакомить же хорошо съ фактами можетъ только формальное слѣдствіе. 3 Февраля 1869 г. тѣ же инородцы вторично обратились къ властямъ съ такимъ же ходатайствомъ. Генералъ Шелашниковъ 18 Марта того же года, за № 295, приказалъ объявить имъ, чтобы они впредь не безпокоили такимъ образомъ начальство.

Изъ этого видно, какъ смотрѣла на вещи высшая мѣстная администрація. Хотя миссія и обвиняетъ ее на каждомъ шагу въ явномъ или тайномъ противодѣйствіи, но положительно безъ основанія. Изъ пересмотра весьма многочисленныхъ дѣлъ я вынесъ то заключеніе, что за послѣднія 25 лѣтъ и генералъ-губернаторы, и губернаторы, напротивъ, постоянно стремились идти съ нею рука объ руку, но безуспѣшно. Разногласія возникали невольно (одна сторона слишкомъ горячилась, другая, по обязанности, удерживала отъ крайностей),—тѣмъ не менѣе врядъ ли укажутъ на факты, гдѣ бы гражданскія власти открыто рѣшались заступиться за инородцевъ.

Вопросъ о введеніи въ личный составъ инородческой администраціи христіанскаго элемента возбужденъ въ 60-хъ годахъ и рѣшенъ правительствомъ въ положительномъ смыслѣ, особенно въ виду того, что отдѣлить крещенныхъ отъ некрещенныхъ и учредить для того особыя самостоятельныя управленія не представлялось возможности, по случаю крайней малочисленности и бѣдности первыхъ, хотя это было бы весьма желательно для предотвращенія искусственно разростающейся религіозной розни, если принявшіе Православіе,—вопреки степнымъ обычаямъ и выборному началу,—будутъ сразу, безотносительно къ количеству обратившихся въ Православіе и оставшихся въ язычествѣ, поставлены въ привиллегированное положеніе. Предшественникъ графа Игнатьева генералъ-губернаторъ Анучинъ удостовѣрялъ, что нѣтъ фактовъ, доказывающихъ тягостное состояніе крещенныхъ и необходимость принятія безотлагательныхъ мѣръ, для огражденія ихъ отъ преслѣдованія яростныхъ единоплеменниковъ.

Обращеніе инородцевъ совершается вообще медленно—буддисты же прямо составляютъ упорную массу, ибо, по словамъ миссіи, на *восемьдесятъ* переходящихъ шаманствующихъ насчитывается лишь *одинъ* мѣняющій вѣру ламаитъ. По вѣдомствамъ православные образуютъ незначительный процентъ:

въ селенгинскомъ—$^1/_{24}$ населенія
— хоринскомъ — тоже
— баргузинскомъ—$^1/_{38}$
— агинскомъ— $^1/_{79}$.

И то многіе помѣчены христіанами, которыхъ священники давно изъ виду потеряли; напримѣръ, селенгинскій миссіонеръ, отецъ Павелъ Казанцевъ, говорилъ мнѣ, что изъ *240* человѣкъ своей паствы онъ едва

наберетъ *восемьдесятъ*, приблизительно извѣстныхъ ему.

Дѣло проповѣди среди ламаитовъ малоуспѣшно и впереди не подаетъ пока большихъ надеждъ. Крестится среднимъ числомъ въ годъ *около пятидесяти—семидесяти*,—что очень мало, если принять въ разсчетъ, какъ быстро ростетъ слишкомъ двухсоттысячное населеніе язычниковъ. Неофиты или вновь растворяются во множествѣ иновѣрцевъ, или же лишены вліянія и нравственнаго значенія. Если вчитаться въ «Труды восточно-сибирской миссіи», воочію убѣждаешься, что не все обстоитъ благополучно. Въ 1867 г. селенгинскій и закаменскій миссіонеры окрестили 25 душъ, въ 1878 г. селенгинскій—только шесть (на населеніе свыше 40.000 душъ, включая мѣстныхъ казаковъ-буддистовъ), а закаменскій миссіонеръ—13 (изъ 8000 населенія). Въ 1879 г. закаменскій миссіонеръ—9, селенгинскій—4. Цыфры печальныя! Вышеозначенный отецъ Павелъ сообщилъ, что за полтора года своего служенія (съ весны 1885 г. по осень 1886 г., когда мы съ нимъ встрѣтились) онъ присоединилъ къ Церкви—двухъ (1, незаконнорожденную трехлѣтнюю дочь крещеной инородки, которая живетъ у отца—ламаита, ничѣмъ не отличается отъ другихъ бурятокъ и долго не соглашалась на совершеніе обряда, для того чтобы выкупъ (калымъ) за маленькую невѣсту-язычницу оказался повыгоднѣе, 2, одного казака, пришедшаго къ священнику перемѣнить вѣру и затѣмъ безслѣдно скрывшагося) *). *Хуже всего идетъ проповѣдь въ обширномъ агинскомъ вѣдомствѣ*

*) По возвращеніи въ Петербургъ, я увидѣлъ отчетъ забайкальской миссіи за 1886 г., и тамъ сказано, что селенгинскій миссіонеръ Казанцевъ, прибывъ на мѣсто служенія, тотчасъ обратилъ пять человѣкъ. Это не согласуется съ записаннымъ мною *прямо съ его словъ* и подтверждаемымъ показаніями постороннихъ лицъ.

съ 30.000 населеніемъ. Миссіонеръ Литвинцевъ (при думскомъ станѣ) просвѣтилъ *за 11 лѣтъ—17 человѣкъ,* затѣмъ іеромонахъ Антоній 3-хъ, теперь отецъ Норбоевъ (изъ бурятъ) въ первый годъ служенія одного, въ 1880 г.—5, 81 г.—3, въ 82 г.—снова 5 и т. д.

Когда въ 1853 г. правительство редактировало Положеніе о бурятскомъ жречествѣ, духовныя власти ничего не имѣли противъ проектируемыхъ порядковъ. Напротивъ, радостнѣе всѣхъ привѣтствовалъ законодательную мѣру о ламствѣ высокопреосвященный Нилъ иркутскій. Шестнадцатилѣтнее святительское служеніе его въ Восточной Сибири, многократныя путешествія, обозрѣнія капищъ, сношенія съ туземными племенами, наконецъ послѣдующее изученіе языческой сложной обрядности и литературы,—все это дѣлало голосъ знаменитаго іерарха весьма авторитетнымъ и подавало надежду на то, что распоряженія высшаго правительства послужатъ ко благу бурятъ, постепенно ослабятъ ламаизмъ, косвеннымъ образомъ посодѣйствуютъ успѣхамъ Православія. Однако вышло иначе. Ламы и инородцы истолковали неблагопріятное существу ихъ вѣры Положеніе въ свою же пользу и весьма искусно соединили житье-бытье по старому съ внѣшнимъ угожденіемъ требованіямъ властей. Администрація отчасти не хотѣла, отчасти не могла ничего видоизмѣнить въ условіяхъ процвѣтанія буддизма. Церковь ждала лучшаго въ близкомъ будущемъ, но мало-по-малу теряла эту надежду. Созданная въ 1862 г. забайкальская *миссія* крайне несимпатически посмотрѣла на ввѣренный ея попеченіямъ край, сразу по своему освѣтила ненормальность взглядовъ на ламство и *открыто стала скорѣе во враждебныя, чѣмъ въ натянутыя, отношенія какъ къ бурятамъ, такъ и къ земской полиціи.* Послѣдняя совершенно безучастно и съ недоумѣніемъ глядѣла на дѣло пропо-

вѣди: поддерживать слово Божіе внушеніями исправниковъ и засѣдателей, во-первыхъ, считалось излишнимъ, а, во-вторыхъ, шло въ разрѣзъ съ традиціями мелкихъ сибирскихъ чиновниковъ, ибо жалобы миссіонеровъ прямо способствовали эксплоатаціи инородцевъ со стороны приставленныхъ вѣдать и блюсти законъ.

Иногда, впрочемъ, худшіе по репутаціи исправники и засѣдатели, желая заручиться покровительствомъ преосвященныхъ, помогали имъ крестить, и это кажется миссіи совершенно правильнымъ: «людямъ, незнакомымъ съ миссіонерскимъ дѣломъ, или понимающимъ его односторонне, такое содѣйствіе представляется соблазнительнымъ, почему и приходится слышать или читать возраженія; миссія нуждается въ этой помощи, ибо чины земской полиціи въ глазахъ инородцевъ пользуются большимъ авторитетомъ, чѣмъ служители религій, по особенному уваженію къ царской власти. Инородцы убѣждены въ превосходствѣ христіанства надъ ихъ суевѣріями, но у нихъ не достаетъ рѣшимости войти въ него: они чувствуютъ потребность въ толчкѣ, который бы направилъ ихъ къ крещенію».

(Труды восточно-сибирской миссіи, томъ IV, стр. 181—182.)

Одобренная около 1840 г. первосвятителями Церкви нашей инструкція миссіонерамъ, составленная многоопытнымъ проповѣдникомъ слова Божія покойнымъ митрополитомъ Иннокентіемъ, имѣла и должна бы имѣть до сихъ поръ каноническое значеніе. Я берусь доказать съ отчетами самой забайкальской миссіи и съ оффиціальными бумагами въ рукахъ, что ни одинъ § означенной инструкціи не примѣнялся за послѣднія 25 лѣтъ въ дѣлѣ обращенія бурятъ въ Православіе.

Наиболѣе поражаетъ при этомъ отсутствіе главнѣйшихъ условій для успѣха: нѣтъ и не было помина о любви къ тѣмъ, кого хотѣли возродить нравственно,— и кромѣ того существовала какая-то необъяснимая фанатическая ненависть къ безобиднѣйшимъ проявленіямъ бурятскаго культа.

Напримѣръ, на страницѣ пятнадцатой (I-го тома Трудовъ) преосвященный Веніаминъ, описывая одно изъ своихъ путешествій, говоритъ: «на вершинахъ горъ я различалъ обоны (это—кучи камней и хвороста), воздвигнутыя тамъ, чтобы отгонять злыхъ духовъ отъ бурятскихъ улусовъ. *И раздражашеся духъ мой,* и дивился я вѣротерпимости русскаго человѣка, который перстомъ не коснется суевѣрныхъ чтилищъ». Въ 1866 г. (какъ можно убѣдиться, открывъ стр. 276 I-го тома) начальникъ миссіи въ тункинскомъ вѣдомствѣ самъ предалъ огню бумханъ (маленькій амбарчикъ, ставящійся въ глуши надъ пирамидкою глиняныхъ шариковъ, въ которыхъ находятся тибетскія молитвы), «ибо онъ построенъ въ честь тѣхъ существъ, которымъ (согласно Матѳія XXV, 41) уготованъ вѣчный огонь». То же произошло въ 1863 г. близъ селенгинской степной думы съ тамошнимъ обономъ и бумханомъ. Волненія среди инородцевъ неминуемо происходили. Не будь это миролюбивые буряты-буддисты, а мусульмане, дѣло легко бы приняло тревожный характеръ, — да, вѣроятно, тогда бы къ такимъ суровымъ мѣрамъ и не рѣшались прибѣгнуть.

Инородцы въ теченіе времени до того стали опасаться преосвященнаго Веніамина, что, слыша о его готовящемся проѣздѣ черезъ какую-нибудь мѣстность, старались откочевывать подальше отъ дороги, — тогда какъ вначалѣ, по словамъ самого владыки, они обступали его путь, и матери приносили ему дѣтей подъ благословеніе.

Члены миссіи, въ свою очередь, стали рѣзко обходиться съ бурятами, и вотъ понемногу послѣдніе привыкли видѣть въ проповѣдникахъ слова Божія своихъ ожесточенныхъ, явныхъ враговъ, которые приходятъ въ улусы и дацаны за тѣмъ только, чтобы всячески оскорблять буддистовъ словомъ и дѣйствіемъ, а потомъ ихъ же еще бранить печатно. Возбужденіе, конечно, все болѣе и болѣе разростается, и уже молодое поколѣніе мужаетъ среди искусственно поддерживаемаго отчужденія отъ произвольно дѣйствующихъ русскихъ и Православія. Наше духовенство сѣтуетъ на религіозныя беззаконія, творимыя инородцами, въ виду полной непригодности Положенія 1853 г. о ламствѣ, но и наше духовенство въ данномъ случаѣ отнюдь не стоитъ на легальной почвѣ, во-первыхъ, потому, что никакой миссіонеръ не уполномоченъ быть чиновникомъ, надзирающимъ за порядками, а, во-вторыхъ, потому, что поступки проповѣдующихъ слово Божіе идутъ прямо въ разрѣзъ съ заповѣдями мира и любви, и къ тому же нерѣдко нарушаютъ святость основныхъ законовъ Имперіи. За яркими примѣрами нѣтъ надобности обращаться къ отдаленному времени, какъ это обыкновенно дѣлаетъ миссія въ своихъ обличительныхъ статьяхъ, когда хочетъ доказать, будто язычники истязаютъ сородичей-христіанъ. Въ 1870 г. преосвященный Мартиніанъ Селенгинскій встрѣтилъ близъ Арбузовской станціи (между Верхнеудинскомъ и Кяхтой) инородца Тудута Эркіева, везшаго изъ Ингажинскаго дацана въ Гусиноозерскій очень цѣнную религіозную книгу, для снятія съ нея копіи (обычай этотъ вездѣ распространенъ среди буддистовъ и высоко чтится). Архіерей отнялъ означенное сокровище, безъ всякой причины, просто какъ собственность язычниковъ. Буряты стали хлопотать о возвращеніи своей святыни. О дѣлѣ возникла пере-

писка. Забайкальскій военный губернаторъ отъ 11 Ноября, за № 3233, просилъ генералъ-губернатора, чтобы преосвященный Веніаминъ иркутскій понудилъ вернуть сочиненіе, но все оказалось тщетно. Въ 1872 г. селенгинскій миссіонеръ отецъ Макарій пріѣхалъ въ Янгажинскій дацанъ и началъ поносить буддійскихъ боговъ, называя ихъ читкурами (чертями). Ширетуй униженно принялся умолять, чтобы гость оставилъ ламъ въ покоѣ, а тотъ немедленно послалъ жалобу преосвященному, что его насильственно гонятъ прочь фанатики, чуть только онъ выступаетъ съ проповѣдью. Буквально то же произошло *въ Монголіи* съ кяхтинскимъ священникомъ, отцемъ Іоанномъ Никольскимъ, когда онъ, по дорогѣ въ Ургу, останавливаясь у кочевій, бранилъ бурхановъ. Хозяева сердились и даже плевались. На заявленный въ консульствѣ протестъ отца Іоанна нашъ дипломатическій представитель г. Шишмаревъ совѣтовалъ ему впредь не обижать монголовъ, дабы не поставить и себя и консула въ неловкое положеніе относительно разгнѣванныхъ буддистовъ и китайскихъ властей. Весьма недавно, въ Іюнѣ 1885 г., ташеланскій миссіонеръ-священникъ Иннокентій Донской (въ хоринскомъ вѣдомствѣ), въ нетрезвомъ видѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, угрожалъ язычникамъ и, наконецъ, къ общему ужасу, выстрѣлилъ изъ револьвера, отчего одна бурятка (невѣстка междудворнаго ямщика Очира Заблаева) выкинула, и ребенокъ умеръ. Ѣхавшій, какъ-разъ въ это время, мимо военный губернаторъ Барабашъ допросилъ свидѣтелей (въ томъ числѣ и русскихъ), велѣлъ составить актъ и препроводилъ дѣло въ сенатъ, гдѣ оно до сихъ поръ находится неразрѣшеннымъ. Отца Донскаго не смѣнили, а перевели миссіонеромъ на болѣе видное мѣсто, въ село Укыръ (между Читой и Верхнеудинскомъ). Направляясь изъ

Кяхты въ главный городъ Забайкалья, я встрѣтилъ подъ означеннымъ селомъ, вечеромъ, почтовую тройку съ пьяными ругающимися людьми. Случайно мой ямщикъ и встрѣчный остановились переговорить. Брань стала усиливаться. «Ишь батюшка закутилъ!» услышалъ я отъ ямщиковъ, и узналъ, что это—миссіонеръ, на свиданіе съ которымъ я ѣхалъ. Проѣзжая затѣмъ вторично черезъ Укыръ, въ рождественскій сочельникъ, я опять увидѣлъ священника въ нетрезвомъ видѣ. На разспросы, какъ имъ онъ проповѣдуетъ, получилъ отвѣтъ: «рѣчи бурятской я не знаю, въ улусахъ бывать, почитай, не стоитъ: все равно не послушаются, окрестить пока никого не окрестилъ, а только вотъ, около села, приходилось заходить въ юрты и жечь бурхановъ—буряты кругомъ стоятъ, просятъ пощадить боговъ, а я ихъ прямо въ пламя толкаю!» Послѣднія слова высказаны были съ такимъ убѣжденіемъ, что я нисколько не сомнѣваюсь въ искренности миссіонерскихъ взглядовъ на ламаитовъ какъ на скотовъ. По крайней мѣрѣ, мѣстный благочинный отецъ Симеонъ Стуковъ, оправдывая поступокъ отца Донского, письменно заявляетъ: «возбужденное противъ него уголовное дѣло—нѣчто пустое; по наведеннымъ мною справкамъ, потерпѣвшая бурятка и прежде вскорѣ теряла новорожденныхъ дѣтей—вѣроятно, и выкинутый младенецъ не прожилъ бы долго». Этотъ же самый миссіонеръ Стуковъ заѣхалъ однажды въ улусъ Кичингу (недалеко отъ хоринской степной думы) и, остановившись въ юртѣ Култуева (головы барунъ-хоацайскаго рода), вынулъ крестъ, возложилъ его на домашній языческій алтарь и сталъ глумиться надъ ламайской вѣрой, приговаривая: «смотрите, боги умнѣе и лучше васъ—они, не противясь, принимаютъ крещеніе».

Нравственными качествами и вообще сознаньемъ долга, повидимому, отличаются рѣдкіе проповѣдники.

Большинство, какъ это, впрочемъ, ясно видно и по печатнымъ отчетамъ особенно выдающихся дѣятелей, невѣжественно до крайней степени, ожесточенно смотритъ на язычниковъ, грубо при соприкосновеніи съ ними и лишено малѣйшаго такта. Напримѣръ, явиться въ дацанъ и не въ мѣру много выпить шампанскаго не считается предосудительнымъ. При мнѣ такъ преспокойно сдѣлалъ у хамбы селенгинскій миссіонеръ Казанцевъ. Вышло даже хуже. 14-го Ноября 1886 г. ламы совершали торжественное служеніе въ честь Императорскаго Дома, отецъ же Казанцевъ спалъ въ гусино-озерскомъ дацанѣ и не нашелъ нужнымъ вернуться въ свою расположенную вблизи церковь, чтобы отпраздновать царскій день. Хамба тонко спрашивалъ: «развѣ у васъ не полагается служба въ честь Государыни?» Миссіонеръ видимо находилъ, что служить не стоитъ. Я не зналъ, куда дѣться отъ стыда передъ бурятами, убѣдившись въ возможности подобнаго случая. Изъ печатнаго отчета начальника Забайкальской миссіи я вынесъ то заключеніе, что отца Казанцева считаютъ проповѣдникомъ, понимающимъ свое призваніе. Вотъ что тамъ про него сказано: «онъ сразу понялъ задачу своего служенія».

Я полагаю, что вышеприведенные факты уже достаточно освѣщаютъ ненормальность положенія. Будучи въ Восточной Сибири, я разспрашивалъ много лицъ и оффиціальныхъ и простыхъ о характерѣ миссіонерской дѣятельности, и все, передаваемое мнѣ, звучало крайне неутѣшительно. Конечно, и въ числѣ проповѣдниковъ должны же попадаться свѣтлые и разумно настроенные люди, но за послѣднее время и такіе, видимо, отходятъ въ область преданія. Если кто изъ нихъ не пишетъ по извѣстному общепринятому образцу громкихъ обличительныхъ статей про-

тивъ ламства и бурятъ, а параллельно съ этимъ и не дѣйствуетъ соотвѣтствующимъ образомъ—подобное лице становится неугодно своему начальству. Лѣтъ десять назадъ одинъ харьковскій студентъ—юристъ, по убѣжденію, пошелъ проповѣдывать забайкальскимъ язычникамъ. Его сразу полюбили инородцы агинскаго вѣдомства, наиболѣе упорствующаго въ своей вѣрѣ. Многіе приходили бесѣдовать съ нимъ, слушать его пространно - осмысленные разсказы. Прежній преосвященный—Мартиніанъ смѣнилъ означеннаго миссіонера. Человѣкъ этотъ—іеромонахъ Антоній, состоящій нынѣ при архіерейскомъ домѣ въ Читѣ.

Изъ видѣнныхъ мною проповѣдниковъ, единственнымъ, который высказывалъ правильный и гуманный взглядъ на вещи, оказался совсѣмъ еще молодой священникъ, отецъ Георгій Писаревъ (при Онинскомъ селеніи въ агинскомъ вѣдомствѣ). Остальные до того были фанатики и съ такою злобою смотрѣли на языческую среду, что я положительно на каждомъ шагу затруднялся, какъ и о чемъ мнѣ съ ними говорить, чтобы не дать повода къ разнымъ недоразумѣніямъ. Особенно страшенъ и ненавистенъ Забайкальскимъ инородцамъ давно уже живущій при хоринской степной думѣ много разъ мною упомянутый отецъ Симеонъ Стуковъ (вдовый священникъ), который, во-первыхъ, благодаря предосудительному образу жизни, едва ли способенъ служить примѣромъ для окружающей мѣстности, а во-вторыхъ, прославился такими притѣсненіями, неосновательными жалобами начальству и прочимъ, что буряты его боятся какъ огня.

Слухи, печатно распускаемые миссіею, будто буряты смущаются самимъ Далай-ламою,—чистѣйшій вымыселъ. Много шуму и толковъ надѣлала отобранная Стуковымъ, гдѣ-то въ степи, *бумага за подписью якобы Далай-ламы*. Я ее прилагаю къ отчету.

Это грязный листокъ со штемпелемъ русской бумажной фабрики Сергѣева (грамоты же тибетскихъ и вообще всякихъ важныхъ буддійскихъ «святыхъ» всегда отличаются образцовой красотой, пишутся на громадныхъ свиткахъ, обшиты желтымъ шелкомъ). Я показывалъ документъ двумъ знатокамъ монгольскаго языка (нашему генеральному консулу Шишмареву въ Ургѣ и Падеришу, исправлявшему ту же должность въ Пекинѣ). Оба смѣялись надъ приписываемымъ ей значеніемъ, отрицали существованіе далай-ламской или какой-либо другой подписи и говорили, что тутъ просто кто-то полуграмотно проситъ объ оказаніи помощи буддійскимъ кумирнямъ за границей. Никакой настоящей подписи вообще не могло быть, ибо нынѣшній Далай-лама еще совсѣмъ ребенокъ и ни въ какія дѣла не способенъ вмѣшиваться. Прежде, когда «святые» въ Лхассѣ достигали зрѣлаго возраста и пользовались не только религіознымъ обаяніемъ, но и политическимъ могуществомъ, связь ихъ съ бурятскою окраиною являлась нежелательною. Теперь же, когда ни того, ни другаго нѣтъ (что наши инородцы отлично знаютъ), никакіе лоскутки изъ Тибета,—буде таковые дѣйствительно бы разсылались,—не возбудятъ чрезмѣрнаго религіознаго рвенія среди русскихъ ламаитовъ.

Въ данную минуту буряты чувствуютъ себя прошедшими черезъ цѣлую школу различныхъ испытаній и въ страхѣ ждутъ будущаго. Боязнь эта положительно сильна во всѣхъ, такъ какъ ежемѣсячно за послѣднее время въ духовныхъ и даже нѣкоторыхъ свѣтскихъ журналахъ и газетахъ появлялись грозныя статьи противъ всѣхъ восточно-сибирскихъ ламаитовъ. Опечаленные взводимыми на нихъ тяжкими обвиненіями въ злобной непріязни ко всему русскому и ожесточенной борьбѣ съ Православіемъ, Забайкаль-

скіе буряты, послѣ долгаго колебанія, въ 1886 г. подали письмо военному губернатору, гдѣ жаловались на претерпѣваемыя обиды. Когда объ этомъ доведено было до свѣдѣнія Пріамурскаго генералъ-губернатора, онъ пожелалъ, чтобы ламаитовъ успокоили. Повсюду послали циркуляры съ опроверженіемъ нелѣпыхъ выдумокъ; но недовольство улеглось на короткое время. Въ томъ же году въ столицу поѣхали оба ближайшихъ генералъ-губернатора и высокопреосвященный Веніаминъ. Письма послѣдняго своему забайкальскому викарію объ успѣхѣ его взглядовъ въ высшихъ сферахъ, объ аудіенціи его у Государя Императора, о рѣшеніи приступить вскорѣ къ кореннымъ религіозно-государственнымъ преобразованіямъ въ инородческомъ Забайкальѣ,—все это въ копіяхъ доходило изъ Читы въ миссіонерскіе станы и оттуда дѣлалось извѣстнымъ населенію. Ламаитами овладѣвала паника, но исхода изъ своего невыносимаго положенія никто не предвидѣлъ. Пока я былъ на мѣстѣ и присутствовалъ при разжиганіи народнаго волненія, ни одинъ тайша не рѣшался заявить на бумагѣ о горѣ бурятъ. Говорить—много говорили. Не разъ, въ степи и у дацановъ, старики останавливали мою повозку, окружали ее толпою, и со слезами, а иные на колѣняхъ, заклинали довести въ Петербургѣ до свѣдѣнія правительства, что сердца бурятъ истосковались, въ виду того, какъ ихъ, безгласныхъ, чернятъ на каждомъ шагу за какую-то мнимую измѣну Царю и отечеству, за несуществующее гоненіе новокрещенныхъ, за кощунственное будто бы отношеніе къ высокочтимому инородцами христіанству. Главный баргузинскій тайша *Сахаровъ послалъ* мнѣ вслѣдъ аналогичное *заявленіе, за своею подписью, добавляя, что обязанъ это сдѣлать для выраженія настроенія бурятъ, какъ глава вѣдомства, какъ русскій чиновникъ и дворя-*

нинъ великой Имперіи. Необыкновенно цѣнная и съ гражданскимъ мужествомъ составленная бумага эта находится въ Приложеніяхъ къ отчету, за № 3.

Особенно страшатъ инородцевъ распускаемые нашимъ духовенствомъ слухи, будто вскорѣ крестить начнутъ всѣхъ насильственнымъ путемъ, по царскому указу. (Въ Трудахъ восточно-сибирской миссіи многократно говорилось, что давно пора прибѣгнуть къ этой мѣрѣ.) Тутъ, конечно, передъ каждымъ вѣрноподданнымъ дилемма, воспротивиться ли властямъ или измѣнить своей религіи. Мнѣнія на счетъ того, въ какую сторону язычники шатнутся, разнорѣчивы. Миссія увѣряетъ, что можно разсчитывать на полный успѣхъ рѣзкихъ законопріятій. Но, какъ мнѣ кажется, смотрѣть слишкомъ оптимистически нельзя. Предположивъ даже, будто небывалая еще вещь случится и бурятамъ повелѣно будетъ принять Православіе,— часть послушается, но тайкомъ станетъ жить и молиться по старому (какъ это и дѣлаетъ большинство крестившихся), другая же, пожалуй, бо́льшая половина скорѣе уйдетъ въ китайскія владѣнія, чѣмъ отречется отъ ламаизма. На лицо есть примѣръ подобнаго передвиженія сотенъ тысячъ кочевниковъ-буддистовъ въ царствованіе Екатерины II (знаменитое бѣгство торгошовъ съ Волги).

Когда Забайкальская миссія стала дѣйствовать въ 60-хъ годахъ, наше туземное ламство переживало время крайняго упадка, благодаря безпечно-распущенному нраву правившаго, при Муравьевѣ, хамба-ламы Ишижамсуева. То, что бурятскіе духовные пожепились, пристрастились къ крѣпкимъ напиткамъ, унизились въ глазахъ единоплеменниковъ, стали псевдоламами, а не настоящими руководителями окружающей толпы, все это нисколько не радовало пришедшихъ въ Забайкалье съ проповѣдью о Христѣ. Напро-

тивъ, они рѣшили обратить вниманіе властей на безнравственность жречества. Послѣднее перепугалось, услыхавъ про грозныя обличенія, оправилось, начало радѣть о безукоризненномъ поведеніи и ревностномъ ученіи, возвысило свой авторитетъ и стародавнее обаяніе передъ инородцами, и въ результатѣ получилось прочно организованное, обновленное и стойкое ламство. Теперь между бурятами найдется до четырехсотъ знатоковъ цанита (высшей буддійской мудрости), побывавшихъ въ Тибетѣ съ цѣлью многосторонняго образомъ усовершенствоваться.

Параллельно съ развѣтвленіемъ миссіонерскихъ становъ, росла и крѣпла за послѣдніе года религіозность ламаитовъ. Буддизмъ на окраинѣ замѣтно шагнулъ впередъ и представляется мнѣ нынѣ во всеоружіи своего эфемернаго по существу, но, не смотря на это, знаменательнаго значенія. Напряженіе народнаго духа, въ религіозномъ отношеніи, достигло или, вѣрнѣе сказать, достигаетъ кульминаціонной точки.

Вникая въ своеобразный строй ламайской культуры, такъ и видишь, чѣмъ она крѣпка среди бурятъ и почему она бодро выдерживаетъ натискъ со стороны идущей къ намъ въ глушь цивилизаціи. Послѣдняя еще слишкомъ безцвѣтна и безлична, чтобы произвести переворотъ въ убѣжденіяхъ инородческаго населенія, скорѣе роняетъ себя въ его глазахъ, чѣмъ импонируетъ ему, и тѣмъ самымъ даетъ поводъ считать ее ниже мѣстной—той, которая существуетъ тысячелѣтія, дорога всей Азіи, постепенно завоевываетъ даже симпатіи Европы. Когда на Оби къ безлюдно-угрюмому берегу подходитъ пароходъ за дровами и голодные, полунагіе остяки выплываютъ ему на встрѣчу для продажи рыбы,—они радуются тому, что пришелъ *«большой кабакъ»*, что у нихъ, за безцѣнокъ, скупятъ товаръ, а они

тутъ же пропьютъ вырученныя деньги и останутся затѣмъ подъ холоднымъ, роднымъ небомъ такими же озвѣрѣвшими и бѣдствующими. Фактъ этотъ весьма характеренъ: наступательное движеніе нашей цивилизаціи въ Сибири, если и приноситъ пользу, то пока еще никакъ не инородческому населенію. При покореніи, его истребляли изъ чувства самосохраненія, потомъ ослабили, гдѣ могли, водкой и заразительными болѣзнями,—на тѣ же племена, которыя, почему-нибудь, оказались устойчивѣе и не вымираютъ, Россія вліяетъ довольно отрицательно—однихъ продолжаетъ толкать къ погибели матеріальной, съ другими же поступаетъ хуже: сама ихъ учитъ, какъ мало цѣнится нами сокровищница христіанскихъ истинъ, какъ равнодушны мы, въ сущности, къ проповѣди слова Божія между невѣрными. Окрестившіеся брошены на произволъ судьбы въ нравственномъ отношеніи и весьма часто отпадаютъ отъ Православія *). Магометанство замкнулось и не поддается миссіонерству (напр. съ 1860 по 1869 г. изъ *40.000* татаръ Тобольской губерніи обращено всего *300,* а за послѣдніе года лишь *нѣсколько десятковъ).* Буддизмъ, который гораздо доступнѣе, мягче и общительнѣе, все-таки представляетъ аналогичныя цифры. Между тѣмъ исламъ отпраздновалъ здѣсь свои побѣды отчасти уже послѣ присоединенія множества инородцевъ къ Россіи. Историческія изысканія свидѣтельствуютъ, что нерѣдко русскіе, при соприкосновеніи съ мусульманами, басурманились. Нашъ генеральный консулъ въ Ургѣ г. Шишмаревъ разсказывалъ мнѣ про недавній ему лично извѣстный случай такого рода: русскій пограничный офицеръ нашелъ

*) Любопытно, что иные православные буряты Забайкалья уклонились въ расколъ.

киргизскій бытъ весьма привлекательнымъ, перемѣнилъ вѣру и откочевалъ въ степь. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять въ соображеніе, что, напримѣръ, въ Индіи за 1874 г. *семь* европейцевъ, а за 1875 г. *девять* (по словамъ оріенталиста *Гарсенъ де Тасси)* отреклись отъ Спасителя, и, въ томъ числѣ, *одинъ капитанъ англійской арміи сдѣлался мусульманиномъ!* Буряты, необыкновенно чуткіе ко всякимъ жизненнымъ явленіямъ,—замѣтно упорствуютъ въ язычествѣ, между прочимъ и благодаря тому, что современныя умственныя теченія проникнуты безвѣріемъ и что *«буддизмъ нынѣ въ модѣ»*. Мѣнять «модную» религію на предлагаемую имъ считается опрометчивостью. Для поясненія только что высказанной мысли, кратко оговорюсь на примѣрѣ. Въ бельгійскомъ журналѣ «Muséon» за 1887 г. помѣщено любопытное заявленіе бомбейца Эрпатъ-Мехерджибхай-Паланджи-Мадана о томъ, что «вѣра Зороастра въ Индіи недавно еще съ каждымъ днемъ падала, предавалась забвенію. Если бы новѣйшія изысканія въ области востоковѣдѣнія не задѣли за живое угасающую парзійскую религіозность, то въ Бомбеѣ не явились бы ревнители авестическаго ученія. Нынѣ таковые стараются объ усиленіи набожности въ единоплеменникахъ и намѣрены воскрешать утраченное, при помощи западнаго знанія». Вотъ что въ сжатомъ видѣ гласитъ длинное признаніе благодарнаго язычника. Можетъ ли больше ироніи таиться въ откровенномъ памфлетѣ на христіанство, чѣмъ выражено въ простодушной рѣчи гебра? Европейская наука съ такимъ гордымъ пренебреженіемъ къ родной святынѣ воздвигала свои памятники, нисколько не заботясь о томъ, дабы въ основѣ всего лежали христіанскія идеи,—что умозаключеніе для азіатовъ было ясно: «европейцы своимъ міровоззрѣніемъ не дорожатъ и потому

стремятся вникать въ противоположныя вѣрованія». Особенно привлекательнымъ показался буддизмъ, и ужъ его до того изучили, превознесли, даже воспѣли, словно Европа искони томилась во мракѣ, и вдругъ передъ нею возсіяла истина. Когда португальцы, голландцы, англичане соприкоснулись съ цейлонцами, религія Будды тамъ находилась въ упадкѣ: просвѣщенная любознательность побѣдителей вдохнула бодрость въ язычество или, точнѣе сказать, гальванизировала хорошо сохранившійся трупъ. Онъ зашевелился и соблазномъ дышетъ на насъ, на самодержавіе единой истинной культуры! Оттого-то миссіонерская дѣятельность на востокѣ далеко не славится успѣхами. Туземцы всосали въ себя западный ядъ или голословнаго отрицанія, или дерзкаго самомнѣнія, что, въ сущности, тождественно. Насколько буддисты постепенно начинаютъ задумываться надъ тѣмъ, не превосходнѣе ли ихъ религія, чѣмъ христіанство, видно по забайкальскимъ бурятамъ. Интересуясь печатью, они зорко выслѣживаютъ въ газетахъ и журналахъ все, такъ или иначе относящееся къ ихъ вѣрѣ, и потому каждый неосторожный отзывъ, всякое искаженно передаваемое свѣдѣніе становится камнемъ преткновенія для ассимиляціи языческаго строя съ христіанскимъ *).

---

*) Повидимому, иначе смотрятъ на вопросъ наши ученые. Теперь единовременно напечатаны два сочиненія профессоровъ с.-петербургскаго университета. Первый—монголистъ *Позднѣевъ*—не затрудняется говорить о «*благовѣстѣ*», несущемся изъ ламскихъ кумирень (называя такъ шумъ, производимый ударами била въ сковороду, для призыва жрецовъ на молитву), говоритъ о буддійской «церковной утвари», о буддійскомъ «иконописаніи». Другой нашъ оріенталистъ *Минаевъ* зашелъ еще дальше. Онъ распространяется въ своей книгѣ о Буддѣ—«Спасителѣ, Искупителѣ, Міродержавномъ Учителѣ, Господѣ». Какъ мнѣ лично извѣстно, оба труда нашихъ профессоровъ уже стали доступны забайкальскимъ ламаитамъ.

Такъ буряты знаютъ и, при случаѣ, не прочь напомнить, что буддизмъ нравится образованнымъ людямъ, англійская молодежь имъ восхищается, генералъ Кэнингхамъ и другіе, раскопками въ Индіи, подтвердили его давность и значеніе, а въ Парижѣ даже есть буддійская кумирня и процвѣтаетъ «теософическое общество», называющее себя носителемъ буддійскихъ идей и связанное будто бы таинственными узами съ тибетскими мудрѣйшими ламами. . . . . «Господину Дарвину», сказалъ мнѣ одинъ бурятскій тайша, «на Цейлонѣ наши единовѣрцы памятникъ хотятъ ставить за его ученіе, согласное съ буддійскими книгами». Недавно нашимъ ламаитамъ очень понравились длинныя статьи «Сѣвернаго Вѣстника» о безсиліи миссіонеровъ бороться съ южнымъ буддизмомъ и о благоговѣйномъ посѣщеніи тамошнихъ буддійскихъ святынь англійскимъ писателемъ Эдвиномъ Арнольдомъ. Въ Забайкальѣ же я читалъ мартовскій номеръ «Вѣстника Европы» (за 1886 г.), гдѣ отчетъ г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода о сибирскомъ миссіонерствѣ подвергается далеко несочувственному анализу. Слухи о спиритизмѣ, смущающемъ Америку и Европу, и столь сродномъ медіумическимъ способностямъ ламъ, также играютъ извѣстную роль. При этомъ, инородцы не въ состояніи уяснить себѣ, чѣмъ обусловливается западный атеистическій пессимизмъ, каковы его цѣли и причины, почему, въ исходѣ смутнѣйшаго изъ столѣтій, одряхлѣвшее и раздвоенное человѣческое сознаніе въ теоріи мирится съ сухимъ раціонализмомъ, на практикѣ же готово преклониться передъ грубѣйшими пріемами столоверченія. Буряты ясно видятъ одни лишь результаты и справедливо недоумѣваютъ. Ученіе Будды — «достояніе разумныхъ. а не темныхъ». Вотъ отчасти причина его удивительнаго успѣха на востокѣ, гдѣ массы пассивно относятся къ вы-

павшему на ихъ долю жребію, и завоевать себѣ симпатіи просвѣщеннаго класса значитъ духовно воцариться надъ краемъ. Все наступательное, побѣдное шествіе буддизма по Азіи совершалось именно такимъ способомъ. Эта односторонность составляетъ его слабую сторону и на нее-то главнѣйшимъ образомъ и слѣдуетъ обращать вниманіе при просвѣщеніи язычниковъ словомъ Господнимъ. Сибирская миссія постояно ссылается на то, что инородческія власти глухи къ ея воззваніямъ,—а если бы онѣ крестились, все подвѣдомственное имъ также бы не устояло. Но ожидать отъ первыхъ неподдѣльнаго сочувствія и надѣяться въ этомъ отношеніи на сближеніе нельзя, такъ какъ это противорѣчитъ духу увѣренной еще пока въ себѣ языческой гордыни. Только снизу надо подтачивать ламаизмъ, только, призывая меньшую братію, можно разсчитывать на удовлетворительные результаты. Но для этого необходимо поставить миссіонеровъ въ наилучшія матеріальныя условія, открывая имъ тѣмъ самымъ широчайшее поле дѣятельности творить добро на каждомъ шагу, быть ангелами-хранителями своего округа. Такой системы придерживаются, напримѣръ, католическіе проповѣдники въ Тибетѣ и тамъ, среди самыхъ неблагопріятныхъ условій, они насаждаютъ евангельское ученіе съ успѣхомъ, которому могли бы позавидовать всѣ, преданные той же самой великой идеѣ. Для того чтобы не отставать отъ этихъ самоотверженныхъ піонеровъ запада въ глубинахъ Азіи, надлежало бы прежде всего позаботиться о томъ, какъ бы составъ восточно-сибирскихъ миссіонеровъ не наполнялся людьми, случайно и не по убѣжденію вступившими въ него, а лицами съ извѣстнымъ кругозоромъ и съ даромъ тактично стоять на высотѣ своей задачи. Теперь (это подтверждается трудами нашихъ миссій) проповѣдники, изъ числа сравнительно миро-

любивыхъ, пріѣзжаютъ въ дацанъ или въ гости къ состоятельнымъ инородцамъ и, обыкновенно, не зная бурятской рѣчи, черезъ толмачей начинаютъ скороговоркой и безъ малѣйшаго одушевленія излагать передъ слушателями рядъ фактовъ о Спасителѣ, нѣсколько догматовъ, затѣмъ сразу предлагаютъ креститься. Отвѣтъ всегда слѣдуетъ отрицательный. Миссіонеръ отправляется домой и посылаетъ жалобу архіерею. Я самъ присутствовалъ разъ при подобной проповѣди и вынесъ о ней въ высшей степени грустное воспоминаніе. Ламы съ большимъ вниманіемъ слушали молодаго священника, вышеназваннаго отца Павла Казанцева, только что окончившаго курсъ въ иркутской семинаріи и назначеннаго на крайне важный постъ миссіонера близъ Гусинаго озера, среди старѣйшихъ дацановъ. Ни на одинъ вопросъ, задаваемый ему слушателями, онъ не въ состояніи былъ пріискать простѣйшаго отвѣта, и только настаивалъ на своемъ: «креститесь, потому что Государь исповѣдуетъ православную вѣру». Продолжительное и неловкое молчаніе воцарялось немедленно послѣ этихъ словъ.

Преосвященный Мелетій селенгинскій недавно гектографировалъ извѣстное количество экземпляровъ молитвы Господней и символа вѣры на тибетскомъ языкѣ, для назиданія ламъ. Къ несчастію, дѣлавшій переводъ новокрещенный инородецъ самъ очень плохо зналъ по-тибетски, а потому глубокій смыслъ священныхъ словъ явился искаженнымъ, и раздача отдѣльныхъ листковъ, съ миссіонерскою цѣлью, также лишена значенія. Грамотнѣйшіе ламы охотно вчитываются въ нихъ, разспрашиваютъ по поводу прочитаннаго, но тутъ же добавляютъ, что безъ пространныхъ комментаріевъ они бы ничего не поняли, и вообще обыкновенно не могутъ понять проповѣдуемыхъ имъ христіанскихъ истинъ, за неумѣніемъ миссіонеровъ

ясно и просто изложить ученіе, отстоять его въ случаѣ какихъ-либо естественно возникающихъ возраженій. Такимъ образомъ, воздѣйствіе на ламъ, при всей ихъ несомнѣнной общительности и вполнѣ искреннемъ желаніи знакомиться съ сущностью незнакомой имъ русской религіи, оказывается, да и должно оказываться безуспѣшнымъ, разъ что просвѣтители язычниковъ не стоятъ на высотѣ своего призванія, не въ состояніи найти точку опоры для почина своей дѣятельности. Что буддійскимъ священнослужителямъ положительно присущи тѣ качества, о которыхъ я упомянулъ, и что это не есть исключительно мой личный поверхностно составленный выводъ, подтверждается отзывами путешествовавшихъ по Тибету (науки ради) и жившихъ тамъ для сближенія съ туземцами, подтверждается и тѣмъ знаменательнымъ фактомъ, что европейцы, разъѣзжающіе среди ламаитовъ по порученію библейскихъ обществъ, вездѣ находятъ покупателей для Св. Писанія, никому не дарятъ нашихъ божественныхъ книгъ, а послѣднія, напротивъ, охотно пріобрѣтаются мѣстными жителями за деньги. Все, относящееся къ религіи, ламамъ крайне любопытно, вызываетъ ихъ постоянно на разспросы,— если только спрашивающимъ не грозитъ при этомъ поруганье ихъ собственной вѣры, какъ *«поганой»* и *«бѣсовской»*. Инородцы даже письменно жаловались начальству, что миссіонеры и устно и печатно бранятъ ихъ и шигемунійскую вѣру именно такими словами: Будду называютъ читкуромъ (чертомъ), духовныхъ послѣдователей преподаннаго имъ ученія «воинствомъ сатаны», остальныхъ—«дикими звѣрями». Если самая развитая часть бурятъ будетъ получать свѣтъ тусклымъ и далекимъ отъ первоисточника, они, конечно, станутъ всячески бороться противъ успѣховъ господствующей Церкви, бѣднѣйшіе же и темные ни

откуда не получатъ толчка, который бы вывелъ ихъ волю изъ оцѣпенѣнія и направилъ ихъ сердца къ лучшей долѣ. Оттого строгій подборъ нравственныхъ и убѣжденныхъ миссіонеровъ болѣе чѣмъ необходимъ въ данную минуту, когда впереди не предвидится ничего отраднаго.

Кн. Эсперъ Ухтомскій.

20070566126